

РЕЛИГИОЗНЫЕ ТРОПЫ И МОТИВЫ В ЛЮБОВНОЙ ЛИРИКЕ ТРУБАДУРА АРНАУТА ДАНИЭЛЯ

Ефимова Мария Сергеевна, аспирант, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия; преподаватель-ассистент, РУДН им. Патриса Лумумбы, Москва, Россия, maria.efimova17111998@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9429-3710>

Аннотация. В статье рассматриваются религиозные мотивы и средства выразительности в лирическом наследии Арнаута Даниэля и других трубадуров. В тексте анализируются следующие примеры обращения Арнаута Даниэля к языку и образности христианской религии, распределенные автором статьи по категориям: мольбы лирического героя к Богу с просьбой о помощи в любви, представление о любви как об источнике морального совершенства и добродетелей, близких или тождественных христианским, и указание на божественный источник происхождения красоты возлюбленной и самого чувства любви. Рассматриваемые тропы и мотивы используются для усиления художественного эффекта и создания дополнительной игры смыслов, основанной на использовании знакомых слушателю элементов и формул и наполнении их новым содержанием. Так, христианские добродетели трансформируются, интегрированные в «куртуазную» этику, не теряя в то же время своего изначального смысла; формула «эпической молитвы», распространенная в шансон де жест, становится основой для молитвы о помощи в любви с использованием сложной системы отсылок на персонажей Священной истории, противопоставление Милосердия и Закона. Подобные мотивы также указывают на то, как глубоко были интегрированы образы и языковые формулы, взятые из религиозных источников, в мирской лирике трубадуров. Кроме того, примеры использования религиозных мотивов в любовной поэзии указывают на непротиворечивое присутствие представлений о «fin'amor», «совершенной любви» со своими, иногда противоречащими установлениям религии особенностями, в контексте христианского мировоззрения средневекового автора.

Ключевые слова: трубадуры, любовная лирика, Арнаут Даниэль, религиозные мотивы и образы, кансона, средневековая словесность, XII век, старопровансальский язык.

Для цитирования: Ефимова М.С. Религиозные тропы и мотивы в любовной лирике трубадура Арнаута Даниэля // Вестник Костромского государственного университета. 2026. Т. 32, № 2. С. 97–103. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2026-32-2-97-103>

Research Article

RELIGIOUS TROPES AND MOTIFS IN THE LOVE LYRICS OF THE TROUBADOUR ARNAUT DANIEL

Maria S. Efimova, postgraduate, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; Assistant, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia, maria.efimova17111998@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9429-3710>

Abstract. This article examines religious motifs and expressive means in the lyrical legacy of Arnaut Daniel. The following examples of the medieval author's references to the language and imagery of the Christian religion are relevant in the context of the study: the lyrical hero's prayers to God for help in love, the idea of love as a source of moral perfection and virtues close to or identical to Christian ones, and an indication of the divine origin of the beloved's beauty and the love itself. The tropes and motifs under consideration are used to enhance the artistic effect and create an additional play of meanings based on the use of familiar elements and formulas and their transformation: thus, Christian virtues are transformed, integrated into "courtly" ethics, without losing their original meaning; the formula of the "epic prayer", common in chanson de geste, becomes the basis for a prayer for help in love using a complex system of references to characters from Sacred History, contrasting Mercy and Law. Such motifs also indicate how deeply formulas, images and motifs taken from religious sources were integrated into the secular lyrics of the troubadours, and reveal the consistent presence of ideas about "courtly love", sometimes contradictory to the rules of religion, in the context of the Christian worldview of the medieval author.

Keywords: troubadours, love lyric, Medieval literature, Medieval poetry, canso, Old-Provençal language, religious motifs, Christian influence, sacred and profane.

For citation: Efimova M.S. Religious tropes and motifs in the love lyrics of the troubadour Arnaut Daniel. Vestnik of Kostroma State University, 2026, vol. 32, № 2, pp. 97–103 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2026-32-2-97-103>

Творчество Арнаута Даниэля принадлежит к периоду расцвета лирики трубадуров – последней четверти XII – началу XIII вв. Среди прочих авторов, писавших на старопровансальском языке, его наследие занимает особое место: это признавали как современники, так и потомки: так, Данте Алигьери в «Божественной комедии» назвал его «il miglior fabbro», «лучшим кузнецом [родного слова]», отмечая поэтическое мастерство предшественника (Чистилище, песнь 27, ст. 117) [The Divine Comedy: 444]. Кроме того, выделял он и особую страстность любовной лирики Арнаута Даниэля, помещая его в Чистилище среди грешников, осужденных за сладострастие, и в стихах, вложенных в уста старопровансальского поэта, говорит о том, что тот горел в огне страстей при жизни (ст. 140–147). Метафоры пламени и огня действительно часто используются в любовной лирике Арнаута Даниэля, но кроме этого значительное место в ней занимает религиозная метафорика, соседствующая с не менее страстным описанием любовного чувства.

Примеры обращения трубадура к религиозной образности и метафорике распределены нами по нескольким тематическим блокам: это молитвенное обращение к Богу с просьбой о помощи в любовных делах, представление о любви как об источнике морального совершенства, новых заповедей и добродетелей, близких или тождественных христианским, а также о Божественном происхождении красоты возлюбленной и самого любовного чувства лирического героя.

Наиболее часто цитируемый фрагмент из корпуса текстов Арнаута Даниэля в связи с религиозной метафорикой содержится в кансоне «Douz braitz e critz» («Сладостное пение и щебет...»):

Deus lo grazitz
per cui foro asautas
las falidas que fes Longis lo secs,
vueilla que eu e midonz iazam
en la chambra on amdui nos mandem
un covenz per que eu tal joi atendi
que'l seu cors jogan risen descubra
e'l remire contra'l lum de la lampa

[Le canzoni: 404].

Милосердный Господь,
Чьей волей отпущены были
Грехи, совершенные слепым Лонгином,
Изволь сделать так, чтобы мы вместе – я и моя донна – легли
В комнате, где мы заключили
Щедрые клятвы, от которых я ожидаю столь великую радость,

Целуясь и смеясь, раздевать ее прекрасное тело
И созерцать его в свете лампы!

Некоторые исследователи подчеркивают трансгрессивный и богохульный характер такой молитвы из-за ее эротического контекста [Girolamo 2009: 75], однако нам кажется преждевременным оценивать данный отрывок в этом ключе, учитывая количество подобных пассажей в любовной лирике трубадуров – во всяком случае, нельзя сказать с уверенностью, что авторы фиксировали в таких пассажах сознательный акт богохульства – разве что сознательное пересечение установленных границ, создающее то напряжение, чувство игры и балансирования на грани, которые характерны для лирики трубадуров, и форма кансоны становится «попыткой обуздать это напряжение» [Gay-Crosier: 32].

В данном фрагменте примечательно прежде всего само обращение, достаточно подробное и распространенное: Арнаут включает в него не только Бога, но и святого Лонгина. Происхождение таких распространенных обращений возводится к формулам из эпической поэзии, с помощью которых герои призывают Бога и святых в случае угрожающей им опасности [Girolamo 2005: 391].

Лонгин – достаточно популярный персонаж в средневековой словесности и визуальной культуре. Исследователи отмечали, что топоним, связанный с Лонгином, разделяется в эпической (и лирической) традиции на две формы: первую называют нарративной, она представляет собой краткий пересказ жизнеописания Лонгина, а вторая форма, «формальная», – с обращением к Богу, простившему грехи св. Лонгину, в таком или несколько дополненном виде эта формула встречается в шансон де жест [Beggiato: 217–228]. Как мы видим, использование Арнаутом Даниэлем молитвенного обращения полностью вписывается в указанную традицию и может свидетельствовать о знакомстве трубадура с эпическим материалом (молитвенные обращения, относимые к категории эпической молитвы, в том числе с упоминанием Лонгина, встречаются, к примеру, в «Коронации Людовика» [Beggiato: 217–228]).

На первый план в образе Лонгина выводится слепота и прощение прегрешений. Если слепота физическая становится способом выражения слепоты духовной, прощение грехов ассоциируется в данном фрагменте с дарованием зрения, и финальная цель заключается в том, чтобы «созерцать» тело донны в свете лампы. По сути, Арнаут просит Бога о том же, чем Господь одарил святого Лонгина [Girolamo 2005: 405], вкладывая в молитвенное обращение скрытый метафорический смысл.

Подобные просьбы о реализации любовного желания мы находим и у других трубадуров. Например, у Пейре Рамона де Толоза в произведении «No m puosc sufrir d'una leu chanso faire» («Не могу удержаться от того, чтобы не спеть простую песню...») мы сталкиваемся с очень похожей схемой – только здесь нет прямого молитвенного обращения:

...mas que Dieus me do
 Vezer l'or'e l'an
 Que sa grans valors
 Tan vas mi·s destrenha
 Qu'en mos bratz la seinha,
 E qu'ieu, en baizan,
 Tot al mieu talan
 Remir son cors benestan
 [Poésies du troubadour Peire
 Raimon de Toulouse: 40].

...кроме того, чтобы Господь дал мне
 Видеть час и год,
 Когда ее великое достоинство
 Снизойдет до меня таким образом,
 Что я сожму ее в своих объятьях
 И, целуя ее,
 Полностью повинуюсь своему желанию,
 Буду созерцать ее прекрасно сложенное тело.

Примечательно, что здесь лирический герой не просто выражает личное желание быть со своей возлюбленной; он хочет, чтобы Бог воплотил это желание в жизнь, действуя через донну. Таким образом, автор не исключает, а наоборот, сознательно встраивает свое эротическое желание в христианскую концепцию мира, руководимого Богом.

В лирике трубадуров образ св. Лонгина зачастую соседствует с образом праведного разбойника, помилованного Иисусом [Aslanov: 148]. Истории этих двух персонажей схожи между собой и связаны с чудесами: Бог, несмотря на грехи этих людей, прощает их только за наличие веры – быть может, отчасти поэтому в «мирской» словесности столь популярны эти образы и актуализируются в контексте описания «запретного» эротического чувства.

У Арнаута Даниэля праведный разбойник встречается в «D'autra guiz e d'autra razo» («Иным образом и по иной причине...»):

Merce dei trobar e perdo
 si·l dreitz uzatges no·m destol
 tal que de merceiar no·m col:
 ja salvet Merce lo lairo
 que autre be no·l podia salvar;
 ieu non ai plus vas ma vida cofort
 que, si·l dreit c'ai no·m val, vailla·m Mercés
 [Le canzoni: 191].

Я должен обрести милосердие и прощение,
 Если справедливый обычай не отвернется от меня

Настолько, что не даст мне просить о пощаде.
 Некогда Милосердие спасло разбойника,
 Которого ничто иное не могло спасти;
 В моей жизни больше нет никакого утешения,
 Если право, которое я имею, не удостоит меня этого [утешения], то удостоит Милосердие.

Здесь мы видим пример противопоставления права (Закона) и милосердия – противопоставления, столь характерного для христианской традиции. Закон и благодать, Ветхий и Новый заветы, Бог-судья и милостивый Христос, отпускающий грехи уверовавшему в него разбойнику, – только эти понятия переносятся здесь в контекст куртуазного дискурса. Знакомые средневековому автору сакральные противопоставления становятся образцом, согласно которому структурируется профанное содержание, наполняясь при этом соответствующими смыслами.

Еще один пассаж, находящийся параллели в других текстах корпуса, мы находим в кансоне «Ab gai so cundet e lerì» («На веселую, забавную и радостную мелодию...»):

Mil messas n'aug e proferi
 E fas lum de ser'e d'oli
 que Deus m'en do bon esert
 de leis on no'm val escrima
 [Le canzoni: 329–330].

Я слушаю и отправляю тысячу месс
 И зажигаю свечи из воска и масла,
 Чтобы Господь поспособствовал моему успеху
 У той, с кем бесполезно фехтование.

Чтобы добиться своей донны, герой слушает и сам отправляет мессы, он служит Богу – но не донне, как Фолькет де Романс, идущий несколько дальше в произведении «Domna, ieu pren conjat de vos» («Донна, я покидаю вас...»):

Qu'eu non sai far autr'orazon,
 Anz pens tant a vostra faison,
 Que quan eu cuit dir patre nostre,
 Ez eu dic: domna, tot soi vostre
 [Zenker: 78].

И я не могу произнести иной молитвы,
 Думая прежде всего о вашем образе столь усердно,
 Что, когда думаю произнести: «Отче наш»,
 Говорю: «Донна, я весь ваш».

На примере кансоны Арнаута Даниэля мы видим, что мольбы об успехе в любви и милосердии донны вполне встраиваются, по меньшей мере формально, в контекст христианского обращения к Богу. С одной стороны, это содержательное противоречие между сакральным и профанным является частью языковой игры и объясняется любовью Арнаута и многих трубадуров к противоречиям и противопоставлениям, создающим внутреннюю динамику и развитие в про-

изведении, с другой – едва ли исключено, что трубадур мог действительно вполне гармонично встраивать в свое видение религии возможность обращения к Богу с подобными просьбами.

Другая мольба о помощи есть в кансоне Арнаута Даниэля «En breu brisara'l temps braus» («Скоро закончится ненастное время года...»):

...car orar ni jocs ni viola
no'm pot de leis en travers ionc
partir...qu'ai dich? Deu, tu'm somers
o'm peris el peleagre

[Le canzoni: 359–360].

Ибо ни молитва, ни игра, ни виела
Не могут отделить меня от нее на расстояние длинной тростинки
Что я сказал? Господь, ты омыл меня
Или погубил в море горечи
[в соленом море].

Представляется очевидным то, что в этих стихах речь идет одновременно и о влечении к донне, и о том физическом «неотделении» от возлюбленной, о котором герой мечтает. Зачастую соседство откровенного эротического содержания и молитвенных обращений воспринимается как маркер иронии, но здесь подобное толкование не вполне релевантно. Прерывание собственной речи представляется попыткой подражания живой речи, живого процесса формулирования мыслей и в каком-то смысле имитации искренности автором. Такое же двойное чтение, как и в словах о тростинке, раскрывающее в настоящем желанное будущее, отражено в игре с омонимии: *agre*, «горькое» переключается с «*agre*» в последнем стихе, герой хочет, чтобы его кансона оказалась там, где сладостное слово начинается с «*agre*...» (вероятно, имеется в виду «*agreable*»), так в горьком настоящем видится сладостное и приятное будущее. Мольба, обращенная к Господу, также включается в эту игру противопоставлений: герой просит либо поспособствовать ему, либо погубить.

Мольба о милосердии – очень распространенная форма для введения сакральных коннотаций. Это очевидно не только из-за сходства такой формы с молитвенной, но и из-за того, что, желая придать вес своей просьбе и доказать необходимость оказать ему услугу, просящий часто включает в мольбу упоминания сверхъестественных сил, как бы заклиная своего адресата сделать так, как ему угодно.

Схожим образом действует Гаусельм Файдит в сирвенте «Ab nou cog et ab novel so» («С новым настроением и на новую мелодию...»). Прицеливаясь на свою даму за вероломство, он призывает Бога не быть к ней милосердным. Так он отсылает слушателя к известному предписанию из Лк. 6:36 («Будьте милосердны, как Отец ваш милосерден»).

Ja Dieus no.l gar ni be no.ill do,
Cui per amar ni per servir
Per hondrar ni per obezir
Fai vas son amic traicio!

[Les poèmes de Gaucelm Faidit: 565]

Пусть Господь не поможет и не подаст никакого блага

Тому, кто за любовь и за службу,
За почитание и повиновение
Отплачивает другу предательством.

Арнаут Даниэль также сетует и на то, что Господь не услышал его мольбы и не дал возможности ускользнуть время:

e pesa'm car Deus no'm cossint
com pogues temps breuar ab art,
que Loing-Respeiz fai languir fin aman:
Lun'e Soleiz, trop faiz lonc vostre cors!

[Le canzoni: 451]

И тяжело мне, ибо Господь не позволяет,
Чтобы я мог ускорить время своим мастерством,
Ведь длительное ожидание поселяет тоску в совершенном влюбленном:

Луна и солнце, слишком медленен ваш бег!

Выражение «Господь не позволяет», как кажется на первый взгляд, не несет в себе как такового сакрального содержания, его можно было бы заменить на «мне нельзя», однако упоминание способности управлять временем и ходом светил, который герой желает ускорить, носит в себе гораздо более глубокие коннотации. Данный топос достаточно распространен в лирике трубадуров – только обычно с противоположным значением: влюбленный желает, чтобы время остановилось и ночь не кончалась, как это бывает в альбе. Здесь же лирический герой сетует на то, что у него нет возможности ускорить время, а желание управлять ходом светил, чтобы управлять и ходом времени (одновременно с уточнением, что Бог не позволяет этого), не может не напомнить знаменитой библейской сцены, в которой Иисус Навин останавливает солнце и луну над Гаваоном (Нав. 10:12-13). Земная любовь в поэтическом сознании трубадура легко и просто встраивается в христианский универсум и, более того, заимствуя принятые в нем схемы и условия, приобретает поистине вселенский характер.

Другие тексты привлекают наше внимание тем, что в них любовь преподносится как источник добродетелей (в том числе именно христианских), и в изложении этой характеристики используется язык, отсылающий к религиозным первоисточникам. Так, известно, что для трубадуров любовь – безусловный источник морального совершенства (кансона Арнаута Даниэля «Er vei vermeills, vertz, blaus, blancs,

gruocs» («Теперь я вижу алые, зеленые, синие, белые и желтые...»):

...c'Amors enquer los seus d'etal semblan:
verais francs fis merceanz partedors,
car a sa cort nos orgoiz e val blandres
[Le canzoni: 450].

...ибо Любовь требует от своих [служителей] быть такими:
Правдивыми, искренними, готовыми просить о милосердии и прощать,
Ибо при ее дворе гордыня вредна, а услужливость имеет цену.

Здесь, как и «при дворе» христианского Бога, гордыня наказывается, а правдивость, умение служить и способность к милосердию всячески поощряются.

Следует отметить, что сходный характер куртуазных и христианских добродетелей не раз отмечался исследователями, и высказывались предположения об их этимологической общности: так, еще в произведениях церковных авторов раннего Средневековья перечислялись правила достойного поведения при дворе, которые, возможно, и являются идейными прообразами тех качеств, которые воспевают трубадуры в любовной лирике. С.С. Йегер в работе о происхождении куртуазной этики отмечает, что в процессе развития института придворного клира христианские добродетели, необходимые для служения истинного христианина в миру, секуляризируются и впоследствии занимают прочное место в придворной этике последующих столетий [Jaeger: 101]. Такие положительные качества, как дружелюбие, обходительность, чувство меры, акцентируются в жизнеописаниях епископов и других представителей клира при дворах раннего Средневековья (прежде всего, в оттоновскую эпоху). Позднее они приобретают новые значения и цели: если изначально христианский епископ при дворе способствует установлению мира и дружественной атмосферы, то в дальнейшем обходительность превращается в услужливость, а добродетели становятся необходимым средством для приобретения и сохранения статуса при дворе, а также в борьбе и состязании между придворными. Вероятно, именно эту придворную культуру унаследовали дворы средневековой Окситании и Аквитании, а вместе с ними и трубадуры как носители этой культуры. Впоследствии указанные добродетели стали необходимыми для придворного или влюбленного, но все же в более широком контексте христианского мировоззрения не потеряли окончательно значения своих изначальных религиозных источников, что на примере текстов трубадуров создает определенную игру смыслов.

Схожий по содержанию фрагмент мы находим в «Ans que sim reston de branchas» («Прежде чем ветви останутся без листьев...»):

...e tu no fazas de que hom t'esquerna
mas apres Deu leis honors e selebres
[Le canzoni: 533].

И не совершай оплошности, за которую тебя поносят,
Но после Бога ее чествуй и почитай.

Данное указание имеет сходство с настоящей религиозной заповедью [Gay-Croisier: 73–74], которую дает герою Любовь. Хотя в Лионском евангелии на старопровансальском языке (которое может восприниматься как источник старопровансальских аналогов латинским терминам) в цитате с главной заповедью Ветхого завета используются глаголы «adorar» и «server» [Nouveau Testament], глагол «celebrar» также имеет религиозные коннотации, в своей непереходной форме используя в значении «совершать мессу» [Raynouard: 373]. Таким образом, мы видим, что от Любви лирический герой Арнаута Даниэля получает новую заповедь – тем не менее встроенную в контекст заповедей христианских.

Что касается второй непрямой цитаты, то здесь речь идет об отрывке из Иез. 28:16, где говорится о будущем низвержении царя Тирского, вознесшего высоко и мнившего себя равным Богу – этот библейский сюжет в христианской традиции связывается с Сатаной, противящимся власти Бога, который в свою очередь связывается с гордым человеком. У Арнаута Даниэля, разумеется, речь идет о гордом влюбленном, который этим грехом сам лишает себя радости («Canso do'ill mot son plan e prim», «Песню, слова которой просты и совершенны...»):

Petit val orgoil d'amador
c'ades trebuch a so seignor
del luoc auzor
bas el terrail
per tal trebail
que de Joi lo despueilla
[Perugi, p. 105].

Ничего не стоит гордыня любящего,
Ибо скоро низвергает она своего господина
С высоты.
Вниз на землю,
Доставляя ему такую муку,
Что тот совлекает с себя радость.

Мы видим на данном примере, что христианские добродетели и пороки наполняются дополнительными смыслами, актуальными для куртуазного влюбленного.

Еще один немаловажный топос выражен в следующих строках («Lo ferm voler», «Сильное желание...»):

...qu'en Paradis n'aura doble joi m'arma,
si ja neüs om per ben amar lai entra
(PC 29.14) [Le canzoni: 633].

...так что в раю будет иметь моя душа вдвое больше радости,
Если человек попадает туда потому, что хорошо любит.

Здесь допускается (пусть и несколько иронично, учитывая контекст секстины) то, что куртуазная добродетель любви может позволить человеку удостоиться христианского рая, а «joï» остается словом с двояким значением – это и любовная радость, и посмертное блаженство.

Другое свойство любви, вероятно имеющее сакральные параллели или даже сакральное происхождение, – это ее способность защищать от бед и опасностей. Применительно к божественной любви этот мотив присутствует в Пс. 22 («Если я пойду и долиною смертной тени, не убоюсь зла, потому что Ты со мной; Твой жезл и Твой посох – они успокаивают меня»). Читаем в «Ans que sim reston de branchas»:

...mas greu er c'om no'i aponia
qui s'afortis de preiar mas no cola,
qu'eu'n passaraï part la palus d'Userna
mon, pelegris, on lai on cog Ebres
[Le canzoni: 533].

...едва ли будет такое, что человек не придет к своей цели,
Если он тверд в мольбах и падет,
Он пройдет через болота Узерны
К Горе Пилигримов, где бежит и бурлит Эбро.

И в кансоне «Quan chai la fuelha» («Когда поет листва...»):

...c'Amors mi cobr'e'm cela
e'm fai tener
ma valor e'm capdela
[Le canzoni: 135].

...ибо любовь укрывает меня и хранит,
И помогает сохранить мне
Мое достоинство, и ведет меня.

Ряд интересующих нас фрагментов отражает также весьма распространенный в лирике трубадуров топос: красота – физическая и духовная – донны, сотворенная Богом («Autet e bas entre'ls prim fuelhs», «Вверху и внизу среди первой листвы...»):

Vres es qu'eu l'am e es orgoizl,
mas ab jaucir celar lo trenc,
c'anc, puois sainz Pauls fes pistola
ni nulz om dejus caranta,
no poc plus
neis Iesus
far de tals, car e essemis
a'ls bos aïps don plus s'aauta
cela c'om per pros recorda
[Le canzoni: 243–244].

Истинно, что я люблю ее и горжусь этим:
Но с радостью я пресекаю эту гордость, держа ее в тайне;

Ибо, с тех пор как святой Павел написал послание
И хоть кто-то выдержал сорок дней поста,
Никто не может,
Даже Иисус,

Создать такую же, ибо одновременно она совмещает в себе

Те хорошие качества, благодаря которым возвышается

Женщина, которую люди помнят как преисполненную достоинства.

Безусловно, здесь Арнаут имеет предшественника в лице Джауфре Рюделя с его словами о далекой любви, сотворенной Богом, представленных в одном из рукописных вариантов верса «Lanquan li jorn son lonc en mai» («Когда дни в мае становятся длиннее...») [The Songs of Jaufré Rudel: 174–176]. Здесь же мы встречаем распространенную в лирике трубадуров синтаксическую конструкцию, когда значительность временного промежутка обозначается с помощью событий и образов Священной истории, например, у Маркабрюна:

Q'anc pos la serps baisset lo ram
No foron tant enganairiz
[Poésies complètes du troubadour Marcabru: 24].

Ибо с тех пор, как змей склонил ветвь дерева,
Не было столько вероломных женщин.

То же самое лирический герой Арнаута Даниэля говорит о происхождении своего любовного чувства в указанной выше кансоне:

Deu o gratis e a mos oilz
que per lor conoissencha'm venc
Jois, c'a dreit aucí e fola
l'ira qu'eu n'agui e l'anta
[Le canzoni: 241].

Я благодарен Богу за мои глаза,
Ибо через то, что они познают, приходит
Радость, которая справедливо уничтожает и попирает
Горе и стыд, что я имею.

Этот отрывок прекрасно иллюстрирует мысль И. Майороссы о том, что мир средневекового автора пронизан божественным [Majogossy: 224] – он благодарит Бога за физические аспекты своего существования, которые дают ему возможность видеть и воспринимать радость. Устроенный Богом мир становится своего рода матрицей, на которую накладываются переживания лирического героя, и в корне своей любовной радости он узнает создателя.

Приведенные выше отрывки демонстрируют, как прочно интегрированы в поэтический язык Ар-

наута Даниэля религиозная метафорика и образность: лирический герой делает Бога создателем своего чувства и красоты своей донны, говорит о любви как об источнике добродетелей, используя схемы и мотивы языка религиозных текстов, и обращается к Богу за помощью в любви. Таким образом, не только религиозная образность интегрируется в контекст «мирской» любовной лирики, но и мир, где любовь является одной из высших ценностей (Арнаут говорит о том, что ее следует почитать следующей после Бога), оказывается интегрирован в контекст христианского мировоззрения – и становится органичным явлением то, что лирический герой обращается к Богу с мольбой о помощи в земной любви. Этому явлению было дано множество объяснений, делающих акцент на слиянии мирского и религиозного в сознании и мировоззрении средневекового человека и автора, и среди них одно из наиболее убедительных заключается в указании на концепцию градуализма, согласно которой допускается иерархическое сосуществование различных систем ценностей [Saville: 98–100], подобно тому как в лирике Арнаута Даниэля и других трубадуров система ценностей «*fin'amor*» интегрируется внутрь христианского универсума, несмотря на то что ему зачастую противоречат элементы этой системы.

Примечания

¹ Переводы со старопровансальского выполнены автором статьи.

Список литературы

Источники

Die Gedichte des Folquet von Romans, her. von R. Zenker. Halle, Verlag von Max Nimeyer, 1896, 104 S.

Le canzoni di Arnaut Daniel: edizione critica, ed. par M. Perugi. Milan, Naples, R. Ricciardi, 1978, vol. 1, 1424 p.

Les poèmes de Gaucelm Faidit, troubadour du XIIe siècle, ed. par J. Mouzat. Genève-Paris, Slatkine Reprints, 1989, 724 p.

Nouveau Testament de Lyon. URL: <http://www.rialto.unina.it/prorel/NTL/NTL.htm> (дата обращения: 24.02.2026).

Poésies complètes du troubadour Marcabru, ed. par J.M.L. Dejeanne. Toulouse, E. Privat, 1909, 298 p.

Poésies du troubadour Peire Raimon de Toulouse, ed. par J. Anglade. Toulouse, Privat, 1920, 83 p.

The Divine Comedy of Dante Alighieri, ed. by Robert M. Darling. Vol. 2: Purgatorio. Oxford, Oxford University Press, 2003.

The Songs of Jaufré Rudel, ed. by R.T. Pickens. Toronto, Pontifical Institute of Mediaeval Studies, 1978, 288 p.

Исследования

Aslanov C. New Perspectives on the Sacred and the Secular in Old French and Old Provençal Poetry. Cambridge, Cambridge Scholars Publishing, 2019, 197 p.

Beggiato F. Longino il cieco: Origine e diffusione di un topos leggendario nell'Europa medievale, Medioevo romanzo e orientale. Il viaggio dei testi. Atti del III Colloquio internazionale (Venezia, 10–13 ottobre 1996), 1999, pp. 217–228.

Gay-Crosier R. Religious Elements in the Secular Lyrics of the Troubadours. Chapel Hill, University of North Carolina Press, 1971, 109 p.

Girolamo di, C. Longino che vide: una riflessione sulle preghiere formulari e una nota per Arnaut Daniel. Romania, 2005, t. 123, no. 491–492, pp. 384–405.

Majorossy I.G. «Amors es bona voluntatz»: chapitres de la mystique de la poésie des troubadours. Budapest, Akademiai Kiado, 2006, 238 p.

Raynouard F.-J.-M. Lexique roman, ou Dictionnaire de la langue des troubadours. Paris, chez Silvestre, 1844, t. 2, 536 p.

Saville J. The Medieval Erotic Alba: Structure as Meaning. New York, London, Columbia University Press, 1972, 315 p.

References

Aslanov C. New Perspectives on the Sacred and the Secular in Old French and Old Provençal Poetry. Cambridge, Cambridge Scholars Publ., 2019, 197 p.

Beggiato F. Longino il cieco: Origine e diffusione di un topos leggendario nell'Europa medievale, Medioevo romanzo e orientale. Il viaggio dei testi. Atti del III Colloquio internazionale (Venezia, 10–13 ottobre 1996), 1999, pp. 217–228.

Gay-Crosier R. Religious Elements in the Secular Lyrics of the Troubadours. Chapel Hill, University of North Carolina Press Publ., 1971, 109 p.

Girolamo di, C. Longino che vide: una riflessione sulle preghiere formulari e una nota per Arnaut Daniel. Romania, 2005, t. 123, no. 491–492, pp. 384–405.

Majorossy I.G. «Amors es bona voluntatz»: chapitres de la mystique de la poésie des troubadours. Budapest, Akademiai Kiado, 2006, 238 p.

Raynouard F.-J.-M. Lexique roman, ou Dictionnaire de la langue des troubadours. Paris, chez Silvestre, 1844, t. 2, 536 p.

Saville J. The Medieval Erotic Alba: Structure as Meaning. New York, London, Columbia University Press Publ., 1972, 315 p.

Статья поступила в редакцию 31.01.2026; одобрена после рецензирования 24.02.2026; принята к публикации 24.03.2026.

The article was submitted 31.01.2026; approved after reviewing 24.02.2026; accepted for publication 24.03.2026.